

Таким образом, комплексный метод Бирингера, вбирая в себя историко-критический метод как одну из составляющих, позволяет преодолеть его «зацикленность» на исторических реалиях прошлого. Библейские тексты предстают не только как литературные памятники старины, свидетельствующие о совершившемся в прошлом божественном откровении, а как динамичные вестники благого будущего, способные родить новый опыт богообщения у читателей всех времен, помочь приобщить людей к божественной жизни и любви. Это расширение перспективы помогает «легитимизировать» толкования богословов, не основанные напрямую на «энциклопедическом» историческом знании. Метод позволяет расширить понимание божественного откровения, акцентируя измерение настоящего и будущего: «Дух Божий не нужно стараться найти в прошлом, – Он всегда находится впереди, направляя нас к новому небу и новой земле»¹³⁴.

Практические перспективы использования метода «нормативность будущего»

1) Метод позволяет обосновать актуальность учительного авторитета Библии, используя понятный для академической среды язык. Иногда можно встретить логику, что если принять учительный авторитет Библии, этот авторитет должен распространяться на все библейские тексты одинаково. Такая логика в итоге ведет к полному отрицанию авторитета, поскольку нетрудно указать примеры насилия на страницах Библии и заключить: «в Библии можно найти все что угодно, с помощью Библии можно оправдать все что угодно». Соответственно, ссылки на Библию в современных богословских рассуждениях автоматически дискредитируются (такого рода умозаключения я встречала не только у неверующих людей, но и у некоторых богословов). Рассматриваемый метод позволяет расставить важные акценты в восприятии Библии, дав обоснование, по каким именно критериям одни библейские отрывки могут быть признаны более богословски значимыми и определяющими, чем другие.

2) На протяжении нескольких лет этот метод с успехом применяется в религиозном образовании в католической среде: он формирует принципиально иной подход к преподаванию христианской этики. Вместо прямых увещаний «вы как христиане должны поступать так-то» (которые не всеми воспринимаются положительно) преподаватель дает учащимся возможность самим сформулировать – как тот или иной библейский отрывок позволяет понять Божию мечту, Божий план о мире, какое именно будущее проецирует этот текст? Такой подход является более творческим и облегчает молодым людям восприятие Библии.

3) Рассматриваемый метод позволяет по-новому осознать роль эсхатологических текстов, пережить их значимость «здесь и сейчас» (подобно тому как это ощущали первые христиане). Можно констатировать, что верующие, читая библейские эсхатологические описания, нередко воспринимают их как красивую абстрактную утопию, или представляют себе, что так произойдет когда-нибудь потом, само собой. Или же читатели сосредотачивают внимание на бедствиях, предшествующие концу мира, а не на обетованиях об избавлении от страданий и всеобъемлющем пребывании благого Бога в людях («Бог будет все во всем», 1 Кор 15:28). Однако нужно понять, что божественное будущее не «пассивно», но «активно», – если человек открывается ему навстречу, благое будущее может определять и формировать настоящее.

4) Этот метод побуждает интерпретировать ветхозаветные тексты не сразу через новозаветное откровение или через поздние христианские толкования, но сначала искать горизонт благого будущего в них самих.

4) Положительной стороной метода мне видится также то, что он не ставит знак равенства между исторической точностью и богодухновенностью. Православные ученые, активно критикующие гипотезы историко-критического метода в вопросах авторства и датировки библейских текстов, принимают фактически ту же логику – как будто смысл текста и его религиозная ценность полностью зависят от факторов прошлого (авторства и датировки). Однако существует огромное множество реконструкций, «как все произошло на самом деле», и у историков и археологов всегда остается больше вопросов, чем ответов. Метод Бирингера позволяет выйти за рамки «сцепленности» с прошлым, и акцентировать, что даже те тексты, которые не претендуют на исторически точное освещение прошлых событий (пример – неканоническая книга Товита), могут послужить передаче божественного откровения. Мне представляется, что первоочередная задача современных православных библеистов – прежде всего знакомить читателей с духовным, спасительным потенциалом библейских текстов, а не сосредотачивать главное внимание на отстаивании традиционного суждения об авторстве и датировке библейских книг.

5) Как мне кажется, богословский акцент на будущем также может позволить добавить важный компонент в практике церковной жизни. Если человек сосредоточен на прошлом, на переживании своего греховного несовершенства, он будет стараться жить по принципу «как бы не сделать неправильно» (а не ошибается как известно только тот, кто ничего не делает). Если же человек сместит фокус своего внимания и ощутит руку Божию, протянутую к нему из спасительного будущего, у него будет сильная мотивация активно реализовывать свое призвание, идти вперед и трудиться, чтобы Царствие Божие постепенно входило в нашу реальность.

САМОСЮК Н. В.

КАНДИДАТ КУЛЬТУРОЛОГИИ, ПРЕПОДАВАТЕЛЬ КАФЕДРЫ ИСТОРИИ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ БРЕСТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. А.С. ПУШКИНА

ОПЫТ ПЕРЕВОДА СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ НА БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК В КОНТЕКСТЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАЦИОНАЛЬНО-ЦЕРКОВНЫХ ДВИЖЕНИЙ В ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ (1921-1939)

В 1921 г. территория Западной Беларуси официально была закреплена в составе польского государства. Православие на этих землях являлось вероисповеданием большей части населения и определяло все стороны

¹³⁴ Bieringer R. *The Normativity of the Future*, p. 67.

его жизни. Радикальное изменение политических и социокультурных условий дало основания для реализации программ национально-церковных движений, направленных на внедрение родных языков населения в церковную практику. Права православных белорусов, русских, украинцев, а также не самоопределившихся так называемых «тутэйшых», проживавших в Западной Беларуси, стремились отстоять представители движений. Таким образом, эта территория стала местом пересечения интересов белорусского, украинского, русского и даже польского православных национально-церковных движений. Целью нашего исследования является выявление специфики переводов Священного Писания в 1921–1939 гг. в ситуации взаимовлияния национально-церковных движений на территории Западной Беларуси.

В большей степени мы будем рассматривать деятельность белорусского национально-церковного движения, однако для более глубокого анализа необходимо отметить принципиальные позиции каждого из движений, показать их взаимообусловленность. Представители русского национально-церковного движения не стремились изменить традиции, а только напротив, сохранить русский язык в церковной жизни. Вопрос о введении русского языка вместо церковнославянского в литургической практике не ставился. Кроме того, Православная церковь, по их мнению, являлась важным духовным и культурным центром, способным сохранить единство в эмигрантской среде. Попытка привлечь православное духовенство к политической агитации не нашла поддержки среди церковных властей: «он (народ) должен самоопределиться и в тесном сотрудничестве с польским народом и другими славянскими гражданами Польши, сохраняя при этом свои национальные черты и особенности, стремиться к возможному достижению в Польше культурных, национальных и религиозных целей» [3, с. 100].

Представители украинского национально-церковного движения, зародившегося и активно развивавшегося на территории Западной Украины, оказывали значительное влияние на становление белорусского национально-церковного движения в целом, и особенно на социокультурную ситуацию в Полесской епархии. Так, постановление Священного Синода от 16 июня 1922 г., допускавшее употребление родных языков православного населения: «...в богослужебных чинах, тексты которых одобрены Высшей церковной властью...» являлось реакцией церковного руководства на призывы лидеров движения к ускоренной украинизации Православной церкви, грозившей отделением Волынской епархии [2, л. 15]. Кроме того, в документе было отмечено, что введение того или иного языка зависит от инициативы, потребностей и условий конкретных приходов. Именно этот документ дал возможность осуществлять программы национально-церковных движений, так как никакие нововведения невозможны без одобрения церковного руководства. Вместе с тем, он не был конкретизирован относительно каждой культуры и языка, что существенно затрудняло его реализацию.

Белорусское национально-церковное движение наиболее активно действовало в 20-е гг. XX в. Оно добивалось введения белорусского языка в преподавание основ православия в учебных заведениях, издание и распространение православной литературы и периодики, повседневное общение священнослужителей и прихожан, проповедование, среднее и высшее богословское образование. Эти действия, по мнению его представителей, помогли бы православным белорусам осознать свою идентичность, сохранить белорусскую культуру в условиях колонизации. При этом предполагалось, что языком богослужения еще продолжительное время будет оставаться церковнославянский. Такую позицию отстаивал наиболее авторитетный представитель белорусского национально-церковного движения – В.В. Богданович. В своих публицистических работах он значительное внимание уделил церковнославянскому языку. В частности, этому вопросу посвящено исследование «Церковнославянский язык как религиозно-культурная данность», вышедшее в 1938 г в Гродно. Возможное изменение богослужебного языка, по его мнению, может быть решено исключительно на Поместном Православном Соборе, где бы участвовали представители клира и мирян, а до этого момента следует категорично избегать нововведений. Церковнославянский язык В.В. Богданович рассматривал как историческую основу культуры и языка многих православных славянских народов, в том числе и белорусской. В этой связи борьба с одним из мощнейших оснований белорусской культуры неуместна. Один из ближайших сподвижников В.В. Богдановича протоиерей Лука Голод полагал, что церковнославянский язык должен быть сохранен в Церкви как одно из средств культурного развития белорусского языка [4, с. 65–68]. Однако в 1925 г. В.В. Богданович не принял автокефалию Православной церкви Польше и возглавил общину, оставшуюся в юрисдикции Русской православной церкви. После этого возможность конструктивного общения между церковным руководством и белорусским национально-церковным движением была маловероятна, так более адекватного, образованного и авторитетного представителя, чем В.В. Богданович не было. Это обстоятельство, во многом, негативно сказалось на реализации программы всего белорусского национально-церковного движения. В.В. Богданович, в свою очередь, на протяжении всего периода он продолжал в печати отстаивать необходимость сохранения церковнославянского языка в литургической практике.

На основании архивных данных есть основания полагать, что в начале 20-х гг. XX в. белорусская православная общественность Вильно предпринимала попытки перевода Священного Писания на белорусский язык. Так, в списке коллекции материалов Н. Красинского, активного участника белорусского национального движения, содержится упоминание о черновике пасхального Евангелия на белорусском языке. Можно предположить, что перевод был осуществлен и апробирован в приходах Виленской епархии, так как среди документов упоминается «Отчет на белорусском языке Виленской духовной консистории от 31 марта 1923 г. о чтении пасхального Евангелия на белорусском языке» [1, л. 17]. Возможно, что это была единичная частная инициатива, впоследствии не получившая развития. К сожалению, сам перевод не сохранился. Однако важным остается сам факт его существования, так как он исходил изнутри и, в большей степени, отражал потребности и, самое главное, возможности священнослужителей и духовенства по переводу Священного Писания.

Следующая попытка издания Библии на белорусском языке для православного населения Западной

Беларуси являлась инициативой, исходящей не от представителей белорусского национально-церковного движения, а внешней. Британское и Иностранное Библийское Общество (The British and Foreign Bible Society), осуществлявшее перевод, издание и распространение Библии на национальных языках, активно действовало в Российской империи с начала XIX в. В 1838 г. была издана Библия на русском, а в 1887 г. – на украинском языке. Когда в 1920 г. было разрешено распространение Библии в Польше, Общество начало рассылать российские тексты среди белорусского населения Виленщины и Балтийских государств. Традиционно Общество действовало очень осторожно и, по возможности, стремилось сотрудничать с местными Церквями, в том числе и с Православной. В то же время Православная церковь достаточно настороженно относилась к деятельности Общества, так как оно активно обеспечивало финансовыми средствами и текстами Библии различные религиозные организации. В 1925 г. секретарю Общества по делам Северо-Восточной Европы и России У. Дж. Уайсману было поручено исследовать потребность в Библии на белорусском языке, в самостоятельности которого представители Общества сомневались, чтобы впоследствии приступить к решению организационных вопросов. В Обществе неоднократно обращались представители белорусской общественности с просьбами об оказании помощи в издании Библии на белорусском языке. В частности, в 1926 г. поступила петиция из Вильно, подписанная рядом известных белорусских деятелей – поэтом Г. Левчик-Левковичем, бывшим редактором газеты «Наша Ніва», директором белорусской гимназии в Радошковичах Ф. Стецкевичем и др.

Необходимо отметить, что значительная часть белорусских деятелей по вероисповеданию являлись протестантами либо сочувствующими им, за исключением немногочисленных представителей белорусского национально-церковного движения. Можно предположить, что это обстоятельство негативно отразилось на реализации программы по введению белорусского языка во все сферы деятельности, так как церковное руководство всегда настороженно относилось к идеям, исходящим от иноверцев. У. Дж. Уайсман после визита в Вильно отмечал, что «Белорусы – один из первых народов, который напечатал Священное Писание на своем языке. Это было в 1517 г., за восемь лет до первого печатного издания на английском» [5, с. 154]. Непосредственно переводом Священного Писания на белорусский язык занимались баптистский проповедник из Бреста Лукаш Дзекуц-Малей и известный белорусский государственный деятель и литератор Антон Луцкевич.

Издание Библии или только Нового Завета на белорусском языке стало в определенном смысле актом самоутверждения, признания того, что «хлопская мова», местный диалект, который презирали и поляки, и русские, являлся настоящим языком, не только способным высказать мысли поэтического гения, например Я. Купалы или Я. Коласа, но и достойным нести Слово Божье народу крестьянской Беларуси и всему миру. А. Луцкевич, как выдающийся национально-культурный деятель Западной Беларуси 20–30-х гг., полностью осознавал политический аспект своей деятельности по переводу Священного Писания. Он являлся католиком по крещению, много общался с православными, однако как государственный деятель склонялся к протестантизму. В переводе было задействовано много представителей белорусского национального движения. Так, А. Луцкевич консультировался с Б. Тарашкевичем, Р. Островским, А. Станкевичем, С. Раком-Михайловским, а также простыми учителями Виленской белорусской гимназии. В поисках живых языковых средств он раздавал фрагменты Нового Завета своим ученикам в качестве упражнений на перевод.

Во время визита в Вильно летом 1928 г. У. Дж. Уайсман, занятый привлечением местных церквей к изданию Библии на белорусском языке, сделал соответствующее предложение Священному Синоду Православной церкви в Польше. Однако сложность ситуации заключалась в том, что Синод не мог благословить издаваемую не под его руководством книгу. Кроме того, Православная церковь не располагала достаточными финансовыми средствами. В результате достигнутой с Обществом договоренности Синод должен был создать комиссию по проверке текста перевода Нового Завета на белорусский язык. В июле 1929 г. А. Луцкевич, участвовавший в переговорах с Синодом, писал, что все зависит от того, как скоро митрополит официально подтвердит состав комиссии для проверки перевода. Через год ситуация с комиссией не изменилась. В частности, ответственность за затягивание утверждения перевода специальной синодальной комиссией, а также дискредитации самого перевода из-за наличия многочисленных ошибок вменяется в вину священнику А. Ковшу [6, с. 125–126]. В итоге только в 1931 г. вышел Новый Завет на белорусском языке с православным крестом на обложке, но без синодального благословения. Тем не менее, по мнению Г. Пикарды данное издание в определенной степени побудило Православную церковь выпустить несколько библийских текстов на белорусском языке [5, с. 173–174]. Примечательно, что под библийскими текстами он понимает учебник по истории Нового Завета, подготовленный известным богословом и педагогом С. Павловичем, и, вышедший в синодальной типографии в 1936 г. Однако это издание являлось, в первую очередь, учебным пособием, и оно не являлось первым в своем роде, так как десятью годами ранее этот же автор выпустил учебник по истории Ветхого Завета на белорусском языке. Таким образом, перевод Нового Завета на белорусский язык был осуществлен исключительно формально. Однако тот факт, что он был реализован не православными богословами определил отстраненность церковного руководства по отношению к этой инициативе. На наш взгляд, его главная задача – массовое распространение среди белорусского населения, также не была достигнута в силу отсутствия взаимопонимания с церковными властями.

На основании всего вышесказанного можно сделать вывод, что изначально представители белорусского национально-церковного движения введение белорусского языка в литургическую практику, а, следовательно, и необходимость перевода Священного Писания на белорусский язык, не ставили в качестве первоочередной задачи. В частности, его лидер В.В. Богданович в своих многочисленных работах отстаивал ценность церковнославянского языка как одного из важнейших оснований белорусской культуры. Архивные данные подтверждают, что в начале 20-х гг. XX в. предпринимались отдельные попытки перевода Священного Писания на белорусский язык, не получившие широкого распространения и не сохранившиеся до нашего времени, о которых существуют только упоминания. Попытка Британского и Иностранного Библийского

Общества перевести и издать Библию для православных белорусов на белорусском языке также не увенчалась успехом. Причинами такой ситуации можно назвать отсутствие богословов в достаточной для подобного перевода степени владевших белорусским языком и пользовавшихся достаточным авторитетом среди церковного руководства. Кроме того, ограниченное количество попыток перевода Священного Писания дает основания сделать вывод, что и православное белорусское население не вполне было готово к богослужениям на белорусском языке.

Літэратура:

1. Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва. – Фонд 3. – Воп. 1. – Спр. 198. Дакументы Цэнтр. Беларус. правасл. камітэта ў г. Вільня (статут, пратаколы, рэзалюцыя канферэнцыі і інш.).
2. Государственный архив Брестской области. – Фонд 2059. – Оп. 1. – Д. 1. Указы Полесской духовной консистории за 1924 г.
3. Дионисий (Валендинский) Переписка Высокопреосвященного Митрополита Дионисия с Председателем организационного комитета Русского народного объединения в Польше / митрополит Дионисий (Валендинский) // Воскресное чтение. – 1927. – №7. – С. 100.
4. Лабынцев, Ю. Православная литература Польши (1918–1939 гг.) / Ю. Лабынцев, Л. Щавинская. – Минск : Нац. б-ка Беларусі, 2001. – 304 с.
5. Пікарда, Г. Нябеснае полымя. Досьлед пачаткаў беларускага перакладу Новага Запавету і псалмаў (1931) / Г. Пікарда // Спадчына. – 1995. – № 4. – С. 152–175.
6. Сідарэвіч, А. Да гісторыі першага выдання Новага Запавету і Псалмаў на сучаснай беларускай мове (1931 год) / А. Сідарэвіч // АРСНЭ. – 2012. – № 1-2. – С. 106–134.

МІХАЛЕВІЧ А. Г.

КАНДЫДАТ ФІЛАЛАГІЧНЫХ НАВУК, ДАЦЭНТ КАФЕДРЫ БЕЛАРУСКАГА І РУСКАГА
МОВАЗНАЎСТВА БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ПЕДАГАГІЧНАГА
ЎНІВЕРСІТЭТА ІМЯ МАКСІМА ТАНКА

МОРДАС Н. Р.

КАНДЫДАТ ФІЛАЛАГІЧНЫХ НАВУК, ДАЦЭНТ КАФЕДРЫ БЕЛАРУСКАГА І РУСКАГА
МОВАЗНАЎСТВА БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ПЕДАГАГІЧНАГА
ЎНІВЕРСІТЭТА ІМЯ МАКСІМА ТАНКА

НЕКАТОРЫЯ АСАБЛІВАСЦІ ПЕРАКЛАДУ ТЭКСТАЎ САКРАЛЬНАГА ХАРАКТАРУ НА БЕЛАРУСКУЮ МОВУ

Пераклад з’яўляецца сёння самастойнай полікультурнай камунікатыўнай адзінкай, у якой менавіта перакладчык садзейнічае ажыццяўленню абмену навуковай інфармацыяй, эквівалентна трактуючы яе як раўназначнасць аб’ёму перадачы аб’ёму інфармацыі і нормам мовы перакладу. Вялікую цікавасць у гэтым плане выклікае пераклад тэкстаў сакральнага характару, у прыватнасці Бібліі, на беларускую мову.

Адна з вядомых лацінскіх прымавак гаворыць: «Habent sua fata liberi («Кнігі маюць свой лёс»»). Аднак ёсць кнігі, якія не толькі маюць свой асаблівы лёс, але і самі становяцца лёсам, вызначаюць шляхі цывілізацыі і культуры. Да такіх найвялікшых кніг у гісторыі чалавецтва належыць Біблія – Першапачатковы еўрапейскай цывілізацыі, якая стала падмуркам усёй еўрапейскай культуры, у тым ліку і беларускай, адыгрываючы асаблівую ролю ў жыцці мільёнаў людзей розных часоў і народаў.

Згодна з падлікамі, на сённяшні дзень Біблія застаецца адзінай кнігай, якую часцей за ўсё перакладаюць у свеце. Так, да пачатку 2010 года яна была поўнасьцю перакладзена на 451 мову і часткова на 2479 моў свету. Актыўны пераклад царкоўна-рэлігійнай літаратуры на беларускую мову пачынаецца ў апошнія дзесяцігоддзі XX ст.: Евангеллі ў перакладзе Анатоля Клышкі (1989–1990 гг.), Святыя Евангеллі паводле Матфея, Марка, Лукі, Іаана ў складзе грэка-славяна-руск-беларускай тэтраглоты былі выдадзены Беларускай Біблейскай камісіяй (экзархат) (Мінск, 1991), Васіль Сёмуха пераклаў Новы Запавет (Мінск, 1995) і Біблію цалкам (Мінск, 2002), ксёндз Уладзіслаў Чарняўскі пераклаў Новы Запавет (Мінск, 1999; 2003). У 2007 г. упершыню тэкст Свяшчэннага Пісання быў перакладзены на сучасную беларускую мову ў форме, прызначанай для выкарыстання пры богаслужэннях. Безумоўна, гэта вельмі актуальна ў цяперашняй духоўнай і моўнай сітуацыі на Беларусі. Пераклад тэкстаў сакральнага характару з іншых моў, з’яўляючыся своеасаблівым інструментам полікультурнай камунікацыі, – даволі складаны працэс, які прадугледжвае не толькі дакладнае веданне лінгвістычных законаў, але і добрае валоданне царкоўнымі паняццямі, неабходнасць знаходжання тэксту і самога перакладчыка на адной духоўнай хвалі. Звычайна асэнсаванне перакладчыкам мастацкага арыгіналу прыводзіць да яго непазбежнай суб’ектыўнай трансфармацыі і – як вынік – да праяўлення індывідуальна-творчага пачатку. Менавіта гэтага і немагчыма дапусціць пры перакладзе Свяшчэнных тэкстаў. Спецыфіка перакладу біблейскага тэксту яшчэ і ў тым, што любы пераклад Бібліі адначасова з’яўляецца і яе тлумачэннем. Таму асноўным патрабаваннем да перакладу выступае экзегетычная дакладнасць, а не лінгвістычная эфектыўнасць. Для дасягнення гэтай дакладнасці закранаецца цэлы сувай няпростых гістарычных, тэалагічных, лінгвістычных і іншых пытанняў. Праблема заключаецца яшчэ і ў тым, што старагрэчаская і царкоўнаславянская мовы, з якіх рабіўся пераклад, вельмі старажытныя, шмат якія лексічныя адзінкі ў розных гістарычных перыяды неслі неадэкватную семантычную нагрузку і на цяперашні момант ужо не маюць такога значэння, якое было ім уласціва ў даўнія часы. Таму вельмі цікава выявіць пэўныя трансфармацыі моўных сродкаў параўнання ў перакладах Новага Запавету на беларускую мову шляхам супастаўлення беларускамоўных кампаратыўных адзінак з тэкстам синадальнага перакладу на рускай мове.

Кампаратыўныя канструкцыі ў перакладах часта перадаюцца даслоўна, захоўваюцца асаблівасці іх